

Власть, церковь и государство в «Первой лекции о церковной власти» Франсиско де Витории

Александр Марей

Кандидат юридических наук, доцент школы философии факультета гуманитарных наук,
ведущий научный сотрудник ЦФС ИГИТИ НИУ ВШЭ

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: amarey@hse.ru

В статье отражены основные положения теории церковной власти, разработанной Фр. де Виторией. Начиная с понятия «теория власти», Витория рассматривает понятие «Церковь» и далее обращается к вопросу о «власти, присущей Церкви». В статье разбирается активно обосновываемая Виторией идея разделения Церкви и государства и существования двух отдельных юрисдикций. Вместе с тем в случае форс-мажорных обстоятельств и паралича государственной власти именно Церковь должна выступать в роли реаниматора государства и осуществлять все действия, необходимые для управления последним вплоть до возвращения к власти легитимного правителя. Государство, в свою очередь, подчиняя себе клириков как часть своих подданных, не может посягать на них как на служителей Церкви. Вторая идея Витории, освещаемая в статье, — его понимание государства как целостной, самодостаточной и совершенной в себе структуры, обладающей безусловным суверенитетом и в силу этого имеющей право устанавливать свои законы, судить, и при необходимости вести военные действия.

Ключевые слова: теория власти, государство, церковь, Испания, Контрреформация, Франсиско де Витория, Саламанкская школа

Лекция, ставшая предметом настоящей статьи, входит в цикл из четырех лекций о власти, прочитанных Франсиско де Виторией¹. Первой, в которой Витория обратился к теме власти, стала произнесенная им в 1528 году «Лекция о гражданской власти»². Основные ее положения получили свое развитие и переосмысление в первой (1532) и второй (1533) «Лекциях о церковной власти», а также в «Лекции о власти Папы и собора», с которой Витория выступил перед профессорами Саламанкского университета на Пасху 1534 года. В рамках отмеченного цикла разбираемая сейчас «Первая лекция о церковной власти» открывает своеобразный трактат о власти Папы, состоящий из трех частей³. Указывает на это в том числе и то, что

© Марей А. В., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

1. Краткий очерк о жизни и творчестве Фр. де Витории можно найти в моей статье 2013 года: (Марей, 2013), а также в указанной там литературе. Важная информация относительно жанрового своеобразия и структуры университетской *quaestio* Средневековья и раннего Нового времени содержится в прекрасных работах Виталия Иванова (см., прежде всего: Иванов, 2013, и цитированную там библиографию), а также статью Т. Ренча (Ренч, 2009).

2. Русский перевод «Лекции о гражданской власти» см.: Витория, 2013.

3. Понятие «церковная власть» (*potestas ecclesiastica*) для Витории практически полностью (за очень небольшими ограничениями) совпадает с понятием «власть Папы». Причина подобного совпа-

для всех трех помянутых лекций Виторией была избрана единственная лемма — ею стала фраза Христа из Евангелия от Матфея, обращенная к апостолу Петру: я дам тебе ключи Царствия Небесного (Мф. 16:19). Таким образом, если помнить о смысловом и органическом единстве двух лекций о церковной власти и одной — о власти Папы и собора, — становится более понятна логика Витории в отношении расположения материала внутри лекций.

Рассматриваемая в данной статье лекция имела для Витории во многом постановочное значение, в ней он рассматривал те базовые понятия и идеи, без которых весь дальнейший разговор о церковной власти не имел бы никакого смысла. В центр внимания доминиканского профессора попали вопросы о том, что такое Церковь и в чем ее отличительные черты, что есть власть (характерно, что этот вопрос Виторией не затрагивался в лекции о гражданской власти) и, наконец, что такое, собственно говоря, церковная власть, какую цель она преследует, какие области жизни человека охватывает, как соотносится с гражданской властью. Забегая вперед, скажу, что вторая лекция о церковной власти была посвящена Виторией проблеме субъекта церковной власти, а третья — проблеме разграничения полномочий верховного понтифика и вселенских соборов, проблеме, ставшей особенно актуальной на рубеже конца Средних веков и начала Нового времени⁴.

Структурно «Лекция о церковной власти» состоит из 6 вопросов (*quaestiones*), подразделяющихся, в свою очередь, на отдельные посылки (*propositiones*), каждая из которых представляет собой одновременно и небольшой самостоятельный вопрос, и ступеньку в доказательстве общего тезиса *quaestio*. Предшествует шести выбранным для обсуждения вопросам небольшое введение, посвященное Виторией определению того, что есть Церковь. Первый же вопрос, следующий за введением, открывается анализом, что такое власть, а затем — рассуждением на тему, есть ли у Церкви какая-либо власть, помимо гражданской, принадлежащей государству⁵. Вторая *quaestio* лекции посвящена выяснению наличия у церковной власти какого-либо сугубо духовного эффекта, а на протяжении вопросов с 3-го по 6-й разбираются проблемы происхождения церковной власти, правового ее основания, а также взаимоотношений церковной и светской властей и подчиненности клириков мирской юрисдикции.

В отличие от «Лекции о гражданской власти», в которой он опирался на сравнительно небольшое число авторитетов, среди которых следует назвать прежде всего тексты Священного Писания, а также Фомы Аквинского, Аристотеля, Цицерона и Лукреция, здесь круг цитирования Витории значительно расширен. Помимо уже упоминавшегося Священного Писания саламанкский лектор ссылается в своем

дения очевидна — именно во власти верховного понтифика власть Католической Церкви находила свое завершение, свою наивысшую и наиболее полную форму. См. об этом: Urdaño, 1960: 410–411.

4. См. об этом традиционные главы в классических работах: Skinner, 1978: 113–135; Burns, 1991: 146–158, и т. д.

5. Автор основного на сегодняшний день издания «Богословских лекций» — Теофило Урданьо — отмечает, что, по сути, экскурс Витории о понятии власти представляет собой не начало первого вопроса, а вторую часть преамбулы. См.: Urdaño, 1960: 199.

тексте на достаточно широкий круг источников, который можно разделить на несколько групп. Во-первых, активно цитируются произведения древних авторов: Аристотеля, Руфина Аквилейского и Лукиана Самосатского. Во-вторых, многие тезисы лекции подтверждаются ссылками на авторитетов в области канонического права, из которых широко цитируются папские декреты, вошедшие в состав Свода канонического права, прежде всего — постановления пап Иннокентия III, Александра III и Бонифация VIII, а также упоминаются юристы: Гвидо да Байзио (он же — Архидьякон), Никколо Тедески (известный как Панормийский аббат) и Джованни Андреа. Третью группу цитируемых Виторией авторов составляют богословы как предшествовавшей, так и современной ему эпох. Среди них, помимо Фомы Аквинского, Иоанна Дунса Скота и Бонавентуры, следует назвать старшего современника Витории и его собрата по ордену Сильвестро Маццолини да Приерио, а также богословов XII-XV вв.: Бернарда Клервоского, Дуранда де Сен-Пурсена, Гуго Сен-Викторского, Пьера де ля Палю, Хуана Торквемаду и Ричарда Фицральфа. Одним из наиболее авторитетных и близких Витории по воззрениям авторов на протяжении всей лекции остается Томмазо де Вио, знаменитый кардинал Кайетан.

Не безусловно и не во всем соглашаясь с перечисленными авторами, Витория все же достаточно последовательно придерживается их позиций во всем, кроме вопроса об ограничении Папской власти и о нераспространении ее на светских правителей. Здесь он занимает более жесткую и ригористичную позицию, настаивая практически на полном отделении Церкви от государства и на разделении их юрисдикций.

Множится и список противников Витории, авторов, с позициями или высказываниями которых он выражает решительное несогласие, либо прямо называя их еретиками, либо ссылаясь на соответствующие осуждающие решения Святого престола. В этот перечень в тексте лекции попадают прежде всего Мартин Лютер и его последователи. Отказываясь от собственно лютеранского стиля аргументации в споре, т. е. от безудержной брани в адрес собеседника, Витория достаточно последовательно полемизирует с их доводами относительно природы и действия благодати, а также связи ее с природой человеческого действия. Своих соперников в этом споре он сопоставляет, по занимаемой ими позиции, с последователями ереси Пелагия, осуждавшейся Августином, а сам сближается с гиппонским епископом. Впрочем, следует отметить (более подробный разбор этого тезиса должен быть предметом отдельной статьи), что сближение Витории с Августином имеет во многом спорный, а местами и иллюзорный характер.

Помимо Лютера в список оппонентов Витории попадают признанные сейчас классики европейской средневековой политической мысли, в разное время подвергшиеся осуждению со стороны Св. Престола, — Джон Уиклиф, Уильям Оккам, Жан Жерсон, Марсилиус Падуанский. Любопытно отметить, впрочем, что с ними Витория практически и не спорит, он просто регистрирует их мнение, упоминая, что сами они были осуждены различными папами в тех или иных постановлениях.

ниях. Причин столь малого внимания, уделяемого убеждениям и идеям того же Марсилия Падуанского, может быть несколько, однако мне наиболее вероятным кажется, что Витория избрал в качестве своего основного оппонента Лютера, который, в свою очередь, был во многом вдохновлен идеями Марсилия. Отвечая Лютеру, саламанкский профессор тем самым опровергал и Марсилия, что позволяло ему избегать прямых отсылок к сочинениям последнего. Под вопросом пока что остается факт знакомства Витории с «Монархией», написанной еще одним ярким защитником императорской власти — Данте Алигьери. Многие аргументы, приводимые в лекциях как о гражданской, так и о церковной власти, совпадают или, по крайней мере, сильно перекликаются с идеями Данте, но чем вызвана эта переключка, случайна ли она или имеет намеренный характер, пока сказать сложно.

* * *

Как уже говорилось, именно в тексте «Лекции о церковной власти» Витория впервые наиболее полно разворачивает и обосновывает свою теорию власти как таковой. Первой посылкой выступает его отказ отождествить понятия *potestas* (власть) и *potentia* (возможность), поскольку, по его утверждению, второе не охватывает всей полноты первого. По его словам, «представляется, что власть — это совершенно не то же самое, что и возможность, поскольку мы же не называем матерью, чувство, разум или волю «властями», но — «возможностями» (I DPE.I.1). В поисках недостающих компонентов власти Витория обращается к знаменитому определению духовной власти, данному Фомой Аквинским, согласно которому «власть есть некая активная возможность, соединенная с некоторым превосходством»⁶. Это определение он дополняет еще одним компонентом, а именно *auctoritas*, совмещающая его с превосходством. Как следствие, власть трактуется Виторией как совокупность возможности к действию, некоего превосходства и авторитета (I DPE.I.1).

Это определение, могущее на первый взгляд показаться несколько плеонастичным, на самом деле представляет собой серьезный шаг вперед в европейской теории власти Нового времени. Посредством этой формулы Витория фактически снимает давнюю антитезу *potestas* и *auctoritas*, введенную в оборот еще Папой Геласием I, а до него — Цицероном. Эти два понятия оказываются примирены и согласованы друг с другом как целое с частью, но поскольку *auctoritas* предстает принципиально важной и возможно даже решающей частью власти, то само это понятие становится практически синонимично общему слову *potestas*. Более того, Витория дважды на протяжении лекции обращается к проблеме использования государством силы против внутреннего или внешнего врага и оба раза передает эту мысль через словосочетание *exercere auctoritatem et iurisdictionem*, т. е. отправ-

6. Super Sent.IV d. 24 q. 1 a. 1 qc. 2 ad 3: Ad tertium dicendum, quod in baptismo datur quaedam potentia spiritualis ad recipiendum, et ita quodammodo passiva: potestas autem proprie nominat potentiam activam cum aliqua praeeminentia; et ideo haec definitio non convenit Baptismo.

лять власть и юрисдикцию. При этом если под словом *iusdictio* имеется в виду прежде всего право государства судить по своим законам, то *auctoritas* приобретает значение агрессивной силы, посредством которой одно государство навязывает другому свои порядки (см., например: I DPE.V.14). Исходные же коннотации понятия *auctoritas* как «социально признанного знания» придают этой агрессивной силе статус силы справедливой.

Дополняется рассматриваемая теория власти еще тремя концептами, вводимыми Виторией. И если об одном из них — об *iusdictio* — уже было сказано несколько слов выше, то два других, *dominium* и *imperium*, заслуживают некоторого внимания. В самих по себе этих словах нет ничего нового — они традиционно использовались в правовой и политической лексике, начиная как минимум с эпохи Римской республики и затем на протяжении всех Средних веков. Но Витория в «Лекции о гражданской власти» совершенно не использует ни одно из этих понятий, впервые вводя их здесь, в «Первой лекции о церковной власти». Сразу отмечу, впрочем, что понятие *imperium* употребляется им всего два раза, в то время как понятием *dominium* он пользуется часто. Это привлекает внимание только в том смысле, что отражает еще одну грань восприятия власти саламанкским профессором, а именно — власти как владычества, как физического обладания кем-то или чем-то. Дальнейшие замечания относительно концепта *dominium* у Витории и устанавливаемой им связи между властью и собственностью являются делом будущего исследования.

Переходя к понятию Церкви, отмечу, что Витория не только подчеркивает то, что она представляет собой сообщество верных христиан, но и идет дальше, формулируя определение Церкви как единого тела с Христом-головой и, что представляется даже более важным, как «христианского государства» или «духовного государства»⁷. Благодаря подведению Церкви под определение государства Витория получает возможность распространять на нее и все отличительные признаки мирского государства, намечаемые им как здесь же, в тексте лекции, так и в предыдущей лекции, посвященной гражданской власти. Церковь, таким образом, признается самодостаточной и совершенной в себе (*autosufficiens et perfecta per se*), а следовательно, априори защищенной правом от всяких посягательств извне, в том числе и со стороны светских правителей. Второе следствие приведенного определения также имеет чрезвычайно важный характер, хотя не раз отмечалось и до Витории, в том числе Аквином. Речь идет о праве Церкви издавать свои законы, независимые от законов мирской власти, а затем вершить по ним суд.

Однако такая картина — Церкви, не просто отделенной от государства, но полностью равной ему, фактически другого такого же государства, — Виторию не устраивала, поскольку блокировала не только возможность для светской власти влиять на политику Церкви, но и обратно, всякую перспективу вмешательства священства в дела мирского управления. Более того, Церковь имела одно серьез-

7. T. e. *respublica christiana* & *respublica spiritualis*.

нейшее отличие от нормального светского государства, а именно была лишена своей четко ограниченной территории и, как следствие, претендовала на весь христианский мир, реализуя тем самым свой вселенский статус.

Выход из сложившейся ситуации Витория находит в обращении к аристотелевской парадигме анализа, а именно к определению цели Церкви. Цель эта лежит в сфере духовного, в отличие от государства, имеющего свою цель в пользе и необходимости гражданского общества (DPC.I.5). Духовный характер цели Церкви, в свою очередь, имеет ряд последствий, на которых необходимо остановиться. Прежде всего это подразумевает, что и церковная власть, и церковное право ориентированы на сферу духовного и, как следствие, являются внешними по отношению к мирскому. Это, в свою очередь, приводит Виторию к утверждению, что не только Церковь не зависит от мирской власти, но и наоборот — правители светских государств в штатной ситуации обладают полным юридическим иммунитетом против вмешательства в их дела Церкви, в том числе и в лице своего главы, Папы. Последний, при всей полноте своей власти, не может ни назначать правителей, ни снимать их, ни создавать гражданские законы, ни лишать их силы. Поскольку цели государства и Церкви разные, то и их вмешательство в дела друг друга не может быть справедливым и действительным.

Однако повторяю, что подобное, полное разделение Церкви и государства, не могло быть целью Витории и не устраивало его. Именно поэтому он и делает две оговорки, имеющие, по сути своей, программное значение. Во-первых, если в мирских вопросах государство не зависит от Церкви (скорее наоборот — клирики, как подданные монарха, обязаны исполнять законы, созданные для всех; Витория отдельно подчеркивает — «король является королем не только одних мирян, но также и клириков» (I DPE.VI.4)), то в духовных делах обстоит совершенно наоборот. Мирские правители, как неоднократно отмечает лектор, не могут и не должны судить о духовных вещах, на то есть Церковь и Папа Римский. Поэтому в любых духовных вопросах они всегда обязаны подчиняться Церкви и ее служителям. Более того, так как высшая цель любого государства есть сверхъестественное благо его граждан, чтобы приблизиться к ней, правитель обязан прибегнуть к помощи священников. Наконец, поскольку мирское всегда и во всем подчинено духовному, то и государство в духовных вопросах соподчинено Церкви и, как следствие, Папа в вопросах духовного управления имеет власть, превосходящую могущество любого из земных владык.

Во-вторых же, у Церкви, а значит — и у Папы — есть и светская власть, и в немалых объемах. Но применять ее Папа может, лишь когда она направлена к духовной цели и, во-вторых, когда «гражданская власть прекращается и не может исполнять своих обязанностей» (I DPE.V.13). Таким образом, Папа становится верховным арбитром в ситуациях коллапса государственной власти или ее полного отсутствия. К первым ситуациям относятся мятежи против действующей власти или война одного государства с другим, несущая ущерб христианскому миру. Ко второй категории случаев следует отнести ситуацию, сложившуюся в конце XV —

первой половине XVI века вокруг недавно открытых испанскими моряками земель Нового Света. Поскольку эти земли изначально не принадлежали ни испанской, ни португальской короне и не были подвластны никаким христианским правителям, то они тем самым находились в зоне «политической пустоты», где еще не действовала ни одна мирская власть. Но поскольку на этих землях жили люди, то Папа, руководствуясь своей духовной властью, мог передать право несения среди них слова Евангелия тем монархам, которых он считал более достойными этого, т. е. королям Испании.

Несколько слов необходимо сказать о собственно церковной власти, как мыслил ее Витория. Для него, повторюсь, церковная власть отличается от государственной уже тем, что нацелена на духовное и все свои причины — и побудительную, и целевую, и действующую — полагает именно в сфере духовной жизни. Помимо выводов о безусловном совершенстве духовной власти относительно земной и, как следствие, более высокого достоинства священства по сравнению с царством, отсюда следует и еще одна мысль — о структуре церковной власти. По мнению Витории, церковная власть двойственна, она подразделяется на «власть таинств» (*potestas ordinis*) и «власть юрисдикции» (*potestas iurisdictionis*).

Размышлению о первой из двух ипостасей церковной власти Витория посвящает весь второй вопрос своей лекции. Лишь Церковь, утверждает он, обладает правом совершать таинство и осуществлять коммуникацию с Богом, поскольку епископы суть преемники апостолов, в частности, апостола Петра, а лишь ему одному были доверены ключи, позволяющие «вязать и разрешать», а также отпирать врата Царствия Небесного. Несколько раз на протяжении лекции Витория повторяет, что помимо Церкви нет никакой дороги в Царствие Христово и что только у церковных таинств есть возможность даровать человеку благодать. Именно в полемике с лютеранами по вопросу о природе таинства и благодати — дает ли таинство благодать *ex opere operato*, т. е. в силу совершения действия, или необходимо еще и человеческое стремление получить благодать — Витория обосновывает начала католической теории действия, впоследствии развитой его учениками.

* * *

Завершая это небольшое вступительное исследование, скажу несколько слов о принципах, которыми я руководствовался при переводе этой, уже второй для меня, лекции Фр. де Витории на русский язык. Как и прежде, основную трудность представлял достаточно слабо разработанный словарь отечественной политической философии, из-за чего перевод многих терминов в тексте следует считать сугубо конвенциональным и подлежащим дальнейшему обсуждению и корректровке.

При этом отмечу: уповая на то, что осмысленное повторение действия со временем создает традицию, или как минимум устойчивый узус, — я стараюсь придерживаться в переводе «Лекции о церковной власти» тех же терминологических

координат, которые были приняты мной год назад, при подходе к переводу «Лекции о гражданской власти».

Пара *respublica* — *civitas*, достаточно редкая в тексте «Лекции о церковной власти» (точнее, первое слово употребляется часто, тогда как второе появляется только на последних страницах лекции), по-прежнему переводится мной как «государство» и «город» соответственно. Теперь я больше, чем раньше, уверен в адекватности перевода *respublica* в текстах Витории как «государство», поскольку, используя его, саламанкский теолог стремится к отображению самодостаточного и совершенного в себе института, обладающего суверенитетом и представляющего собой, при ближайшем рассмотрении, иерархично организованную, властную систему иных, более мелкого масштаба институций, взаимодействующих друг с другом. Именно эта логика мышления институтами, в противовес Цицероновской логике мышления гражданским интересом и феодальной логике личной верности, и укрепляет меня в понимании *respublica* в этом тексте как современного государства.

Вторая терминологическая пара, вызывающая серьезные затруднения при переводе на русский язык, — это упоминавшиеся выше понятия *potestas* и *auctoritas*. Их частичная синонимичность в тексте Витории, а также особое значение *auctoritas* как активно проявляемой моральной и физической силы, позволяют переводить оба этих понятия русским «власть», сопровождаемым в случае переводов *auctoritas* буквой (А) после слова. В тех местах текста, где оба рассматриваемых термина стояли вместе, я периодически считал возможным переводить *auctoritas* как «авторитет», осознавая всю концептуальную слабость этого перевода. Составные конструкции со словом *potestas*, активно использовавшиеся Виторией при описании церковной власти и ее происхождения, переводились мной следующим образом: *potestas ordinis* — «власть таинств»; *potestas iurisdictionis* — «власть юрисдикции» или «судебная власть»; *potestas excellentiae* — «власть превосходства».

Еще одна пара имен власти, появляющаяся в тексте «Лекции о церковной власти» — *dominium* и *imperium*, — везде по мере возможности переводилась мной как «владычество» и «господство», что, смею утверждать, отражает наиболее распространенный смысл этих слов. При этом отмечу, что в тех немногих случаях в лекции, когда термин *dominium* был использован в своем частно-правовом значении, он, разумеется, переводился мной как «собственность». Понятие *dominus* я переводил также, сообразуясь с существующей традицией, либо как «господин», либо как «хозяин» или «собственник», в соответствии с контекстом. Наконец, еще одно слово «властного» лексикона, появившееся у Витории — *iurisdictionis*, — я, в зависимости от контекста, переводил либо как «судебная власть», либо как «юрисдикция».

Цитаты из Священного Писания приводятся по Синодальному тексту Библии, за исключением нескольких, отдельно оговоренных в сносках фрагментов, когда Витория вольно или невольно искажал библейский текст. Руфин Аквилейский цитируется в переводе В. М. Тюленева, цитаты из Аристотеля приводятся по переводам Н. В. Брагинской («Никомахова этика») и С. А. Жебелева («Политика»).

Литература

- Витория Ф. де. (2013). Лекция о гражданской власти / Пер. с лат. А. В. Марей // Социологическое обозрение. Т. 12. № 3. С. 52–74.
- Иванов В. Л. (2013). Луис де Молина, ОИ, и начала схоластической теологии Общества Иисуса. Предисловие к публикации перевода 52-й диспутации «Конкордии» // *Einai*. № 1-2. С. 187–212.
- Марей А. В. (2013). О государствах, королях и законах: Франсиско де Витория и его «Лекция о гражданской власти» // Социологическое обозрение. Т. 12. № 3. С. 41–51.
- Ренч Т. (2009). Культура *quaestio*: к вопросу об истории литературных форм средневековой философии / Пер. с нем. Р. Ю. Кузьмина, А. В. Лызлова // Культура интерпретации до начала Нового времени / Под ред. В. Ю. Ивановой, О. С. Воскобойникова. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. С. 181–207.
- Burns J. (1991). Scholasticism: survival and revival. Conciliarists and Papalists // Cambridge history of political thought, Vol. 3: 1450–1700. Cambridge: Cambridge University Press. P. 132–158.
- Skinner Q. (1978). The foundations of the modern political thought, Vol. 2: The age of Reformation / Ed. J. H. Burns. Cambridge: Cambridge University Press.
- Urdañoz T. (ed). (1960). Obras de Francisco de Vitoria: Relecciones teologicas. Madrid: Editorial Católica.

Power, Church, and State in the First Lecture on the Ecclesiastical Power by Francisco de Vitoria

Alexander Marey

Associate Professor, Leading Researcher, National Research University Higher School of Economics

Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: amarey@hse.ru

The introductory part of the article is dedicated to the analysis of the external structure of the lecture on the ecclesiastical power. Are describing the date of the lecture, its place among others *relecciones* of Vitoria, the lists of the authorities and adversaries of the Dominican Theologist. In the principal part of the article are analyzing the crucial pillars of the theory of Church Power elaborated by Francisco de Vitoria. The theory of power formulated by this thinker had represented a new stage in the development of European Political Thought of Modernity. First of all, Vitoria denies the identity of the concepts of *potestas* and *potentia* and declares that the *potestas* consists from *potentia*, some preeminence and the *auctoritas*. Thus, the *auctoritas* became to be considered as a principal part of the *potestas* or, at times, its complete synonyms. The next crucial point marked in the article is the idea of the separation of Church and State. Vitoria considered the Church as an autonomous system (he said, “the Christian Commonwealth”), which had the same rights and privileges as the State. At the same time, when the State enters in the political collapse, is the Church (or, more precisely, a Pope) who should take the power and lead the State

to its normal position. The State, in its turn, can rule the clergy in the causes concerning the civil administration, because the king "is the king not only for laymen but also for a clergy".

Keywords: theory of authority, state, Church, Spain, Counter-Reformation, Francisco de Vitoria, Salamanca' School

References

- Vitoria F. de. (2013) Lekcija o graždanskoj vlasti [Lecture on the Civil Power]. *Russian Sociological Review*, vol. 12, no 3, pp. 52–74.
- Ivanov V. (2013) Luis de Molina, OI, i nachala sholasticheskoj teologij Obshhestva Iisusa. Predislovie k publikaciji perevoda 52-j disputacii "Konkordii" [Luis de Molina SJ and the beginnings of scholastic theology of the Society of Jesus. Translator's foreword to the publication of the 52nd Disputation of Concordia]. *Einai*, no 1-2, pp. 187–212.
- Marey A. (2013) O gosudarstvah, koroljah i zakonah: Fransisko de Vitorija i ego "Lekcija o graždanskoj vlasti" [About commonwealths, kings and laws: Francisko de Vitoria and his lecture "On the Civil Power"]. *Russian Sociological Review*, vol. 12, no 3, pp. 41–51.
- Rentsch T. (2009). Kul'tura quaestio: k voprosu ob istorii literaturnyh form srednevekovoj filosofii [The culture of quaestio: toward the question of the history of literary forms of medieval philosophy]. *Kul'tura interpretacii do nachala Novogo vremeni* [Culture of Interpretation Before the Modernity] (eds. J. Ivanova, O. Voskoboynikov), Moscow: HSE, pp. 181–207.
- Burns J. (1991) Scholasticism: survival and revival. Conciliarists and Papalists. *Cambridge History of Political Thought, Vol. 3: 1450–1700*, Cambridge: Cambridge University Press. P. 132–158.
- Skinner Q. (1978) *The Foundations of the Modern Political Thought, Vol. 2: The Age of Reformation* (ed. J. H. Burns), Cambridge: Cambridge University Press.
- Urdañoz T. (ed) (1960) *Obras de Francisco de Vitoria: Relecciones teologicas*, Madrid: Editorial Católica.